

ОБРАЗ АДРЕСАТА В РОМАНЕ О.В. ВОЛКОВА «ПОГРУЖЕНИЕ ВО ТЬМУ»

Статья посвящена образу адресата мемуарного повествования Олега Волкова «Погружение во тьму» и приемам отражения образа адресата в тексте. Адресация произведения включает обобщенного адресата, отнесенного к будущему, конкретного адресата (современника и предшественника) и элементы автокоммуникации, таким образом, в романе создается многоуровневая и разнонаправленная адресация. Образ адресата определяет открытость художественного текста романа и его диалогичность. Воспоминания писателя предстают своеобразным диалогом с классиками, современниками и потомками. Ведущую роль в создании образа адресата романа играют отбор и полнота информации, авторские комментарии и пояснения, прямые обращения, вопросительные и риторические конструкции, метатекстовые элементы, культурные коды и заглавия.

Ключевые слова: образ адресата, художественный диалог, мемуары, художественно-документальная литература, лагерная проза.

Художественно-документальное повествование бывшего узника ГУЛАГа Олега Волкова «Погружение во тьму» является синкретичным жанровым образованием, сочетающим романное содержание и мемуарную форму, черты исторической хроники и эпопеи. Документальная основа и мемуарное начало произведения обусловили основные особенности образа адресата в тексте. Изображая свою судьбу на фоне масштабных исторических событий как часть общей судьбы народа в эпоху репрессий, О. Волков обращается к будущим поколениям. Писатель ставит перед собой традиционную для авторов лагерной прозы задачу – раскрыть правду о трагических событиях в России первой половины XX века, выполнить долг свидетеля. В этой связи образ адресата в автобиографическом романе О. Волкова приобретает особое значение.

«В каждом художественном тексте живо запечатлен образ своего читателя-адресата, своего желанного собеседника», – пишет В. Прозоров [4, с. 51]. Для О. Волкова такой «желанный собеседник» – потомки, люди нового поколения, не знавшие репрессий. Читатель-потомок – это обобщенный образ. Его определяющие особенности – временная отдаленность и малый, в сравнении с мемуаристом, объем знаний о прошлом. Адресат отдален от времени действия романа, по мысли автора, на неопределенный длительный срок. Именно поэтому мемуарист считает необходимым разъяснять многие исторические понятия, давать хронологические и географические справки, строить повествование максимально подробно, привлекая большое количество фактов, сюжетов, лиц. По отношению к обобщенному адресату будущего автор занимает позицию свидетеля, историка, хроникера. Отношения между образом автора

и обобщенным образом читателя можно охарактеризовать как дружественные отношения старшего и младшего собеседников.

В широком кругу адресатов О.В. Волкова выделяются и отдельные лица, в первую очередь, писатели, обращавшиеся к тюремно-лагерной теме: Лев Толстой, Федор Достоевский, Антон Чехов, Евгения Гинзбург и др. Автор вступает в полемику с классиками XIX века, сопоставляя изображенные ими реалии со своим опытом. Это может быть обращенный напрямую к писателю горячий монолог, который превращается в обличение жестокости современности. Например, к Льву Толстому по поводу его критических высказываний о бедственном положении народа в царской России: *«А что бы нашел сказать Лев Николаевич, проведи его современный Вергилий по тем же местам спустя неполную четверть века после его смерти? Если бы, взяв старого графа под руку, он предложил ему переступить высокий порог калитки в тюремных воротах и под лязг отпираемых и запираемых бесчисленных запоров повел по гулким коридорам и лестницам, распахивая перед ним одну за другой двери камер, набитых под завязку? Взглядитесь пристальнее, граф! Среди этих сотен и сотен грязных, истерзанных и забитых существ – ручаюсь! – многочисленные ваши знакомые...»* [2, с. 164-165].

В «Погружении во тьму» прослеживаются аллюзии к «Запискам из Мертвого дома» и «Острову Сахалин». Эти книги в идейно-художественном пространстве романа О. Волкова являются своеобразной точкой отсчета, с которой мемуарист сравнивает свою эпоху. В первую очередь, О. Волков отмечает антигуманность ГУЛАГа, нивелирующую человеческую личность: *«Не понюхав лагерей, я полагал, что заключенный там может быть самим собой, сохранить свое лицо. И не знал, что попадаю на Соловки в канун изменений, которые должны стереть без остатка следы сходства советских мест заключения с царскими политическими центрами»* [2, с. 59].

Еще одно существенное отличие советской пенитенциарной системы – принципиально другой состав заключенных. Главного героя «Записок из Мертвого дома» ужасает трагедия арестанта, единственного из всех каторжан оказавшегося невиновным. Автобиографический рассказчик «Погружения во тьму» замечает: *«Из десяти брошенных в этот ад – какой не мог видеть около ста лет назад Чехов на Сахалине и почти полтора Достоевский в «Мертвом доме» – девять человек попали по выдуманному, вздорному обвинению»* [2, с. 318].

Автобиографическому герою О. Волкова чужды эмоции заключенных XIX века, так как, наряду с тюремно-лагерной системой, изменилась общественная и политическая атмосфера, вследствие чего возникла парадоксальная ситуация неразграничения воли и неволи в тоталитарном государстве: *«Не было и тени того ликования, того вздоха полной грудью, предчувствия воли, что так впечатляюще описал Достоевский в «Записках из Мертвого дома»: я переступил порог тесной клетки, чтобы шагнуть в более просторную, одинаково не знающую воли...»* [2, с. 366].

О. Волков вступает в дискуссию и с писателями-современниками, тем самым определяя место своих воспоминаний в кругу лагерной прозы. Автор обличает занятую Евгенией Гинзбург лицемерную позицию «старого члена партии», который из-за «произвола» оказывается за решеткой вместе с «врагами народа». Вступает в мысленный диалог с авторами статей и книг об энтузиазме коммунистических строек, среди которых называет А. Толстого, Ф. Панферова, М. Зощенко, М. Горького, Л. Никулина, В. Шкловского, И. Эренбурга, В. Катаева, Б. Дьякова, А. Алдан-Семенова. Аргумент мемуариста в диспуте с советской литературной пропагандой – личный опыт и написанные воспоминания как доказательство, документ эпохи. О. Волков подводит итог историческому спору, определяя свой художественно-документальный труд как долг свидетеля, а советскую пропаганду как преступление против народа и страны: «...*Большинство имен этих приспешников и глашатаев было известно за границей, по ним судили об отношении нашей интеллигенции к творимым преступлениям – и потому тяжка, безмерно тяжка вина их перед своим народом, перед обманутым ими мировым общественным мнением*» [2, с. 436].

Таким образом, среди адресатов романа «Погружение во тьму» присутствуют все темпоральные типы образов читателя: современник-критик или полемизирующий адресат, собеседник автора; ретроспективно направленный читатель – читатель, включенный в традицию прочтений текстов данного тематического направления; читатель будущего – абстрактный образ читателя.

В структуре адресатов произведения можно выделить элементы автокоммуникации. На них указывают саморефлексия мемуариста («*желание это продемонстрировать (неизвестно – перед кем? Перед собой, должно быть!)*»); вопросы, апеллирующие к памяти («*помещенный к нам Крымзенков – кажется, Константин Иванович?*»); риторические вопросы-рассуждения («*А быть может, и лучше, что ни в чем Яша не разобрался? Лучше, что тоска и ужас тех, кто хоть раз почувал бездну, не коснулись его сознания, что не ощутил он себя нагим и беспомощным во власти Князя Мира?*»); авторские замечания («*подумать только: спустя несколько лет, в глухих зырянских болотистых лесах, я уже не замечал их*» (о комарах – Я.Ю.)); эмоциональные оценки («*что за тоскливые, трудные воспоминания!*»).

Автокоммуникация, авторская рефлексия усиливают исповедальность произведения и усложняют адресную структуру текста, делая ее многоуровневой и разнонаправленной.

В создании образов адресатов мемуарного текста О. Волков использует традиционные для этого жанра средства адресованности, выделенные в работах Н. Николиной, Е. Бударagiной. К ним относятся прямые обращения к читателям, местоимения, вопросительные и риторические конструкции, номинационные ряды читателя и персонажей, метатекстовые операторы, отбор информации и пояснения, оценочные средства, заглавия, графическая организация текста [1; 3]. В создании образа адресата романа Волкова ведущую роль играют отбор и полнота информации, авторские комментарии и пояснения,

прямые обращения, вопросительные и риторические конструкции, метатекстовые элементы, культурные коды и заглавия. Вспомогательную функцию выполняют местоимения, номинационные ряды читателя, оценочные средства, графическая организация текста.

Поскольку обобщенный адресат романа хронологически отдален от времени описываемых событий, автор выбирает максимально подробный тип изложения и комментирует для будущих поколений отдельные реалии прошлого: *«Поясню современному читателю»*; *«В таком облагороженном виде я был сдан на руки дневальному общежития лагерных «придурков» (Так лагерные работяги называли конторских служащих)»*. Большое количество авторских пояснений и комментариев в тексте, отбор информации и выбранный автором стиль повествования с максимальным количеством деталей и подробностей характеризуют объем знаний адресата о реалиях и языке СССР первой половины XX века.

Адресат О. Волкова, по мысли автора, не заставший репрессий, знаком с ними по художественно-документальным произведениям. Упоминание в тексте романа как известных публике книг *«Архипелага ГУЛАГ»* Солженицына, *«Крутого маршрута»* Гинзбург, *«Барельефа на скале»* Алдан-Семенова характеризует адресата *«Погружения во тьму»* как эрудированного читателя, просвещенного человека.

На интеллектуальный уровень адресата романа указывают также различные культурные коды, которые О. Волков широко использует в тексте. Это исторические, литературные и политические имена, крылатые выражения, библейские, мифологические и античные образы, устаревшая лексика: *Цицерон, Овидий, Ламартин, Ростан, Крез, Сенкевич, Керенский, танталовы муки, слово и дело, петрово зеркало, ноев ковчег, брат во Христе, воздеть очи горе, конь бледный, гекатомбы, лары, немврод, амфитрион, архонты, кат, облыжный, мирволить*. Автор активно использует иноязычные слова и выражения, поговорки и цитаты на иностранных языках, преимущественно на французском и латыни: *«того сковывающего чувства, для которого я нахожу только французское слово rideur»*; *«массовые «coups de filet» [облава, прочесывание (фр.)]*; *«придерживаться совета Лафонтена pour vivre heureux, vivons caches» [чтобы жить счастливо, надо жить прикровенно (фр.)]*; *«я почел за лучшее руководствоваться латинской поговоркой «sic mortem aut bene aut nihil» [о мертвых хорошее или ничего (лат.)]*. Также включает в текст цитаты и отрывки из произведений русской литературы: *«что нашего незнания и беспомощней и грустней <...> кто смеет молвить: до свиданья чрез бездну двух или трех дней?»*; *«железный стих, облитый горечью и злостью»*; *«не смей свое суждение иметь»*. Цитаты, фразеологизмы, лексика, отражающая исторические реалии, преобладают также в названиях глав романа: *«В краю непуганых птиц»* (заголовок повести М. Пришвина), *«И вот конь бледный»* (из Откровения св. Иоанна), *«Распи его...»* (из Библии), *«Я странствую»* (возможно, из стихотворения В. Набокова *«Я странствую... Но как забыть?»*

Свистящий»), *«И возвращаются ветры на круги своя»*, *«Ноев ковчег»*, *«Гаррота»*, *«По дороге декабристов»*.

Перечисленные культурные коды характеризуют уровень лингвокультурологических знаний адресата, указывают на его принадлежность к той же культурной парадигме, к которой принадлежит сам автор.

Автор включает адресата в процесс создания произведения с помощью метатекстовых элементов: раскрывает процесс работы (*«оглядываюсь на мою длинную жизнь – я это вписываю в 1986 году»*), комментирует ход повествования (*«об этом я, может быть, расскажу в своем месте»; «однако я забежал вперед»*), извиняется перед читателем (*«клял «продажных сук» (да простят мне это «блатное» словечко»*). Метатекстовые элементы отражают особенности работы над текстом, отрывочность и ассоциативность процесса воспоминаний и настроенность автора на диалог с адресатом.

На диалогичность позиции автора указывают в тексте прямые обращения к адресату, характерные для конкретных адресатов романа: Евгения Семеновна, Лев Николаевич, граф. К фигуре обобщенного адресата автор апеллирует в связи с необходимостью оценки произведения, называя его просто читатель: *«трудно судить, в какой мере будут интересны читателю эти воспоминания»; «рискнуть отдать свои воспоминания на суд читателей»*. Наряду с наименованием читатель номинационный ряд обобщенного адресата включает также такие формы, как современный читатель, потомки, будущие поколения.

Обращаясь к конкретным и абстрактным адресатам, к себе, автор использует вопросительные и риторические конструкции для моделирования диалогической ситуации, связывания частей рассуждения, убеждения читателя, призывает своего адресата активно включиться в рассуждение об онтологических вопросах истории, социума, нравственности: *«И кто, подбирая галерею тиранов, не поставит рядом Адольфа Гитлера и Иосифа Сталина!»; «Кто скажет, отчего стали чахнуть и помирать в приенисейских селах калмыцкие дети?»*.

На коммуникативную настроенность автора воспоминаний указывают вводные устойчивые выражения, характерные для ситуации повседневного разговора: *«страху я, что и говорить, натерпелся»; «кстати – о Сиверсе»; «Бог с ней совсем, с маскировкой!»*.

Диалогичность – определяющее свойство текста О. Волкова. Автор рефлексивирует и ведет откровенную беседу с читателем, спорит с классиками литературы и современными писателями, моделируя потенциальную диалоговую ситуацию или откликаясь на высказанное в книгах. Диалогичность произведения расширяет его границы, обращения автора к писателям XIX века, современникам и потомкам связывает художественное пространство романа с культурой и реальностью, происходит, по выражению Николиной Н., «разгерметизация» художественного текста [3, с. 160].

Писатель воссоздает своего адресата взыскательным, но доброжелательным читателем, доверяющим мемуаристу, способным к пониманию и сопере-

живанию. Мемуарист надеется своим трудом «разбудить сознание» читателя, «приоткрыть глаза», заставить «содрогнуться сердце». И адресат текста выдерживает «испытание на сочувственную эстетическую открытость и податливость, на способность сопереживания заключенным и выраженным в нем основным и побочным мотивам» [4, с. 64]. Он способен к творческой рецепции.

Таким образом, О. Волков создает в романе «Погружение во тьму» сложную, многоуровневую адресацию, включающую обобщенного адресата будущего, конкретного адресата-современника и конкретного адресата прошлого. Адресацию романа расширяют и усложняют элементы автокоммуникации и авторской рефлексии. Обращение к адресатам расширяет внутренние художественные границы текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бударagina Е.И. Средства создания образа адресата в художественном тексте. Автореф. дис. ... канд. фил. наук. М., 2006. 24 с.
2. Волков О.В. Погружение во тьму. М.: Братство святого апостола Иоанна Богослова, 2014. 544 с.
3. Николина Н.А. Поэтика русской автобиографической прозы: Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2002. 424 с.
4. Прозоров В.В. Образ читателя-адресата // Прозоров В.В. Другая реальность. Саратов: Лицей, 2005. С. 51-64.